

«Я с каждым фильмом что-то в себе открываю»

ЮБИЛЯР

55 лет исполняется сегодня режиссёру-аниматору Александру Петрову. Свой юбилей ярославский «оскароносец», дважды лауреат Государственной премии России, автор фильмов «Старик и море», «Моя любовь», «Русалка», «Сон смешного человека», «Корова» встречает за работой. Он готовится к новому проекту. Без этой темы не обошёлся разговор с мастером, состоявшийся в его студии. Но началась беседа с Александром Петровым вопросом об его наставниках.

— Александр Константинович, какими учителями были представители трёх поколений отечественных аниматоров. Причём лучшие, известные фигуры: Фёдор Хитрук, Юрий Норштейн, Эдуард Назаров. Вы самый старший в этом ряду — Иванова-Вано, один из основателей советской мультипликации. В 1982 году вы закончили его курсы во ВГИКе. Ваш педагог тогда уже очень немолод, ведь вы ровесник XX века. Какие впечатления остались от общения с ним?

— Удивительный был дядька. Тактичный, яркий, самобытный. Находясь рядом с ним было удачей. Он работал ещё с Моором и Маковиковым. Вместе с ними в 20-е годы делал анимацию.

Иван Петрович формировался в период культурных сдвигов, это наложило особый отпечаток на его личность. Мог быть капризным и неприступным, но в нём всегда ощущалось дыхание той блестящей эпохи, которую он зацепил в молодости. Александр Иванов-Вано был настоящей сокровищницей знаний и большим энтузиастом. Всегда предлагал какие-то варианты, но и с нас спрашивал. Внимательно следил за работой своих учеников. А мы для него были готовы на всё. Это большое счастье, что у меня была встреча с таким человеком.

Фильмы Иванова-Вано стали основой советской мультипликации: «Конёк-Горбун», «Гуси-лебеди», «Тринадцать месяцев», «Приключения Буратино» — эти его работы помнят, наверное, все, чьё детство пришлось на времена Советского Союза. Вы знали его фильмографию? Всегда поступали во ВГИК?

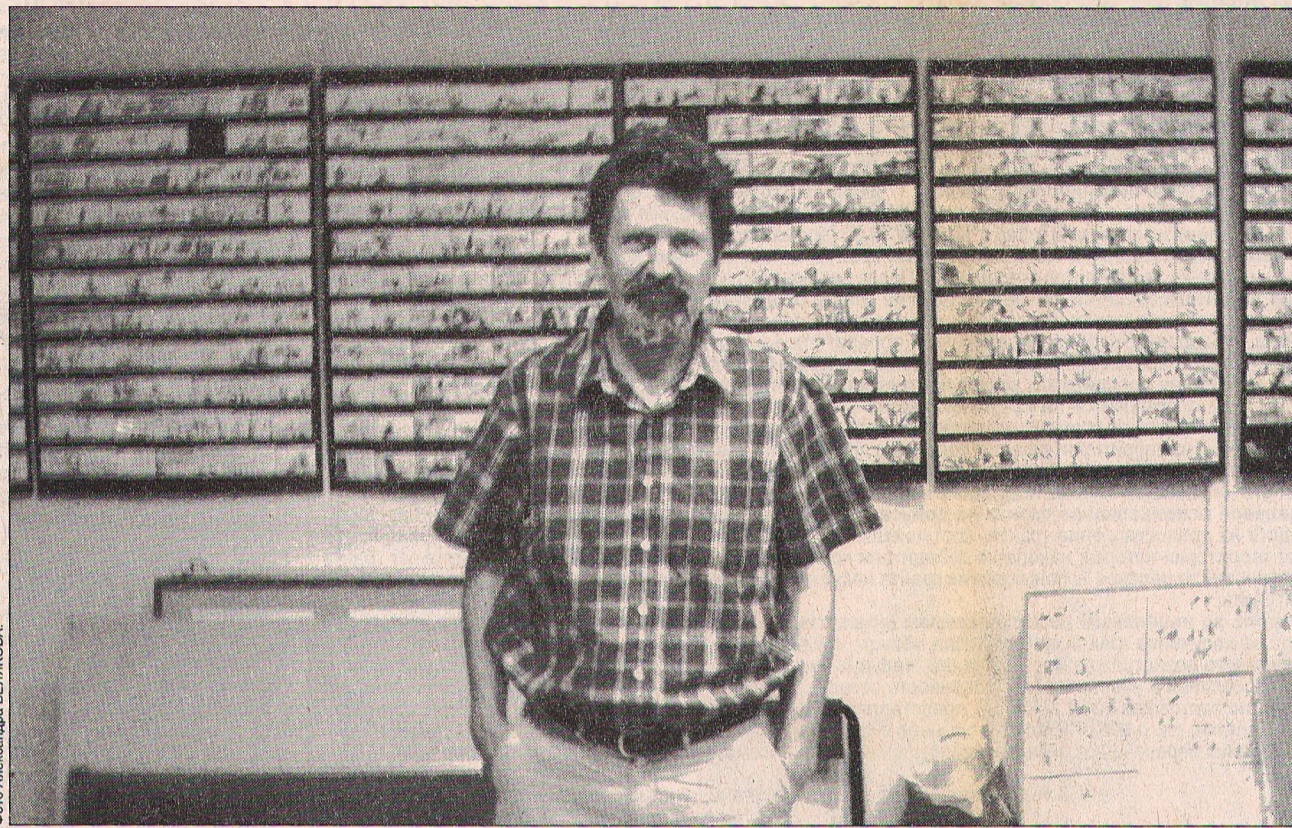
— Конечно говоря, нет. Для меня Иванова-Вано — любимый молодой зритель, не было имени. Я узнал о нём от Иванова-Вано, уже у него обучаясь. Оказалось, что именно он — автор фильмов, самых значимых для мультипликации своих культурных. Иван Петрович занимался эпосом, сказками. Это последняя работа тоже была на этом материале. «Сеча Акенце», снятая по мотивам эпического поэмы Римского-Корсакова «Сказание о невидимом град Китеже»...

— Это тот мультфильм он делал вместе с Юрием Норштейном. Но я тогда не знал Иванова-Вано по карше, а она совершенно выпала из традиционной для него тематической стилистики. Экспериментальный фильм, сделанный в новой технике. Очень яркий и красивый для такого мастера. Совершенно вразрез с традицией кинематографического жизнеподобия.

— Вера Лещова — сложный для аниматора материал, хотя, казалось бы, очень простой на экран. Решить его в то время было лубка — это очень сложная задача. Там продумано много необычных решений, очень яркие работы. Это эпохальное произведение для всей советской анимации. Иванова-Вано разработать и свои стереотипы, и стилистику. Он порвал с традицией, он сам же создал, и шагнул в новое русло. «Левша» — шаг к развитию самых разных направлений мультипликации. Другие аниматоры восприняли этот фильм как эксперимент. После него анимация изменилась.

— А книга Иванова-Вано «Рисованный фильм» вам пригодилась в процессе обучения?

— Не могу сказать, что учился делать кино по книгам. Я покупал и брошюры Иванова-Вано, но не могу сказать, что это было захватывающим чтением и дало какой-то результат. Собственный труд и общение с мастером — вот что главное. Конечно, на какие-то мысли навели литература. Но я, честно говоря, не припомню, чтобы целенаправленно изучал это наследие. Не умею учиться по книгам и не очень это люблю.

— Если Иванова-Вано условно можно назвать корифеем «золотого века» советской мультипликации, то другой ваш наставник Фёдор Хитрук явно из «века серебряного». В 1987 году, когда вы поступили к этому мастеру на Высшие курсы сценаристов и режиссёров, он уже создал все свои знаменитые работы — «Истории одного преступления», «Фильм, фильм, фильм», трилогия о Винни-Пухе и другие. Что вам дал Хитрук как педагог?

— Позади у меня были ВГИК и небольшая творческая биография. Как художник-постановщик я успел поработать в Ереване, а на тот момент жил в Свердловске, трудился на Свердловской киностудии. Меня стали замечать. С Хитруком мы познакомились ещё до моего поступления на курсы. Он отметил мои работы и запомнил меня по имени.

— То есть Хитрук стал узнавать ваш стиль?

— Не могу сказать, что стиль. Единого стиля не было. Все работы были разные. Как художник-постановщик я содействовал воплощению режиссёрского замысла. Думаю, сначала он стал узнавать сами фильмы. Они прозвучали. Какие-то вещи в этих фильмах ему нравились. Мы обсуждали их на семинарах в подмосковном Болшеве. Я попал на два семинара, и это был очень интересный опыт. Мы смотрели работы друг друга, давали оценку, обсуждали.

Хитрук всё эти семинары, был их руководителем. Тогда мы с ним и познакомились. Он производил очень сильное впечатление. Абсолютный мудрец. Сразу же возникало ощущение, что этот человек знает, понимает, умеет анализировать. И способен тебе же самому открыть твои достоинства и недостатки. Всё это он делал открыто, честно, без всяких задних мыслей. И это всегда подкупало. Я абсолютно доверял его мнению.

Поначалу наше знакомство было чисто профессиональным, без каких-то более человеческих связей. Но, поступив на Высшие режиссёрские курсы, я попал в мастерскую Хитрука по его собственному желанию. Каждого после зачисления просили написать, у кого он хочет учиться. А мне и писать не пришлось. Хитрук подошёл ко мне и спросил: «Саша, ну вы-то ко

мне пойдёте, наверное?» Спротивляться не пришлось, потому что это было моё абсолютное желание. Более идеального мастера трудно было бы найти.

— А кто ещё преподавал на курсах?

— Анимационных мастерских было три: одну вёл Хитрук с Бардиным, другую — Норштейн с Назаровым, третью — Хржановский с Угаровым. Все шестеро — абсолютные звёзды советской анимации. Яркие, самобытные художники. Думаю, в нашем поколении таких личностей нет.

собственным опытом, профессиональным и житейским. Одна из лучших книг для того, чтобы понять, заниматься тебе анимацией или нет.

А «Снег на траве» Норштейна надо читать как стихи или философский труд. Это его выверенный годами взгляд на искусство. Его методология. Он захватывающе умеет рассказывать о своей работе. О рождении персонажа, о судьбе и эпохе. Я готов это слушать много раз, потому что всегда узнаю что-то новое.

— Вы проработали на Свердловской киностудии десять лет — с

— Этот фильм вышел до вашей экранзации платоновского сказа «Корова»?

— Да, он был раньше.
— То есть именно Петкевич навёл вас на мысль снимать по Платонову?

— В моём случае Платонов возник именно благодаря Петкевичу. Но посредине работы. Я нашёл эту тему у писателя Василия Белова, но она долго не давалась. Я не мог найти формулировки, чтобы её разыграть. Учился в Москве и, возвращаясь в Свердловск, маленькими кусочками снимал свою «Корову». Володя Петкевич, видя эти муки, подсунил мне платоновский рассказ: «Как раз по твоей истории! Почитай — может быть, что-то подскажет!» Так оно и вышло.

— Особняком в вашей фильмографии стоит миниатюра, сделанная для в 2003 году для международного проекта «Зимние дни». Классическая японская поэзия оказалась трудным материалом для экранзации?

— Почётным участником проекта был Юрий Норштейн. Его работа открывала фильм и длилась полторы минуты. Всем остальным режиссёрам, включая меня, дали по сорок секунд экранного времени. Там были французы, бельгийцы, чехи, голландцы, канадцы. Каждому дали стихотворение для экранзации. А весь фильм создан по принципу рэнку. Это такая цель поэтических текстов. Каждый следующий продолжает предыдущий. Своеобразный диалог или эстафета.

У японцев совершенно другая форма художественного мышления. Другое отношение к пространству слова. Это не та поэзия, на которой мы воспитаны. Я несколько месяцев делал свой эпизод: Очень долго он рождался. Стихотворение не претворялось в визуальную историю. В переводе с английского, а на русском мне его не дали, оно звучало примерно так: «Как холодно на рассвете. Тень человека. / Ломающего хворост для костра». Ведь нельзя же просто проиллюстрировать этот текст!

— Ещё один пример «совсем короткого метра» — сделанная вами реклама. В чём специфика рекламной анимации? Насколько это трудоёмко?

— Я каждый раз в муках расстаюсь с заказными проектами. Начинаю с энтузиазмом — и наступаю в итоге на те же грабли. Потому что это всё равно оформление чужих идей. И часто твои творческие задумки кажутся заказчику неправильными. Как правило, сценарий бывает уже готов, и я пытаюсь его улучшить. Из всего моего опыта удачными были два или три сценария. Но даже в таких случаях думаешь: «Слава Богу, что закончил!» Скучаешь по своему, по настоящему.

— Как вы оцениваете ситуацию в современной анимации? Какие имена привлекли в последнее время ваше внимание? Появляются ли у нас новые работы, конгениальные лучшим фильмам Хитрука и Норштейна?

— Нет, не появляются. Или я стал слишком занудлив и требователен... Может, надо быть моложе, чтобы почувствовать вдруг какое-то открытие и увидеть в новых фильмах действительно что-то новое. Я участвую в фестивалях, регулярно езжу куда-то, и увидеть в новых фильмах действительно что-то новое. Я участвую в фестивалях, регулярно езжу куда-то, и увидеть в новых фильмах действительно что-то новое. Я участвую в фестивалях, регулярно езжу куда-то, и увидеть в новых фильмах действительно что-то новое.

— И в завершение нашего разговора традиционный вопрос о планах. Чем сейчас занята ваша голова?

— Готовлюсь к большому проекту. Это будет полнометражный фильм. Уже идёт разработка сценария и эскизов. Не знаю, зачем мне это нужно. Мне вполне хватает формата десяти-пятнадцати минут. Чтобы измучиться, скорее всего...

— Сколько лет понадобится, чтобы довести проект до конца?

— Год четыре. Запуститься бы, а там видно будет...

Беседовал Александр БЕЛЯКОВ.

фото Александра БЕЛЯКОВА

Хитрук к тому времени уже отступил от дел. Пауза была большая у Норштейна. Назаров сделал свой последний фильм и взял паузу, которая оказалась бесконечной. Но тем не менее все были в профессии, находились в коллективах. Кто на «Союзмультфильме», кто на «Союзытелефильме».

— Самой актуальной фигурой на тот момент, наверное, считался Юрий Норштейн с его «Сказкой сказок» и «Ёжиком в тумане»? Хитрук уже «одной ногой в истории», а этот — «здесь и сейчас»...

— На самом деле все они были «здесь и сейчас». У каждого своя биография, свой творческий почерк, абсолютно узнаваемый. И попасть к любому из них было удачей, потому что ты попадал к настоящему профессионалу. Но Хитрук даже для самих мастеров был абсолютным авторитетом. Без объявлений было ясно, что он — «отец» в этой компании.

«Я каждый раз в муках расстаюсь с заказными проектами. Потому что это всё равно оформление чужих идей. И часто твои творческие задумки кажутся заказчику неправильными».

— И всё-таки, на мой взгляд, по способу мышления вам ближе поэтический кинематограф Юрия Норштейна. Как педагог он сильно на вас повлиял?

— Перед обаянием Норштейна трудно устоять. Яркий преподаватель. В это время у него был простой, он оставил работу над фильмом и, вероятно, изголодался по творческой, активной жизни. Поэтому преподавал с большим азартом. Всегда приходил с новыми идеями, давал задания, которые мы должны были выполнить в течение нескольких занятий. Лекции Норштейна пользовались огромной популярностью, но они приходили «курсисты» всех трёх мастерских.

— Ведь и он, и Хитрук тоже написали книги об искусстве анимации. Вы знакомы с этими работами?

— Конечно. «Профессия — аниматор» Хитрука — блестящая книжка. Один из самых удачных учебников. Отточенное знание, проверенное

тучи
шла
вой
на п
вин
арф
Гото